

Кайфын.

Вот уже месяц Вань ползал по подвалам башни Фаньга. Идея искать пластину Чёрного Дракона в стенах и подвале старой башни оказалась пустой.

— Отрицательный результат — тоже результат, — вздохнул старый археолог и стал собираться.

На выходе он вернул ключ от подвала смотрителю, вложил ему в руку серебряный юань и, тяжело вздыхая, направился к постоялому двору.

Впереди показалась небольшая, аккуратная пагода кумирни Духа Юнисы. Ещё по приезде Вань посетил её, но, узнав, что по археологическим меркам она «новодел», разочарованно вычеркнул из зоны поиска.

Он уже прошёл мимо, но что-то остановило его.

Зайти, что ли? Время есть, а новых идей — напротив. Может, они появятся в кумирне?

Сумрак пустого храма, окрашенные в красный цвет стены и потолочные балки, одинокое изваяние кумира и несколько курящихся палочек создавали ощущение мира и спокойствия. Суета, чаяния, заботы остались за стенами — здесь время остановилось.

Вань оставил обувь у входа и благоговейно зашёл внутрь. Чисто, пусто, очень скромно. Впереди на помосте стоял накрытый жёлтой шёлковой материей алтарь. Над ним висело несколько настенных фресок с изображениями жертвоприношений, ворот в мир духов; был здесь и сам Юниса, протягивающий руки к фигурке человека, и другие мистические сцены из его бытия. На одной из них был изображён дракон, распластавшийся на стене.

— Видимо, так в представлении древних зодчих выглядел Лу Ван, — улыбнулся Вань, разглядывая довольно примитивное изображение покровителя Поднебесной, — хотя прорисовано талантливо.

Он подкурил ритуальные палочки и опустил на колени.

— Хоть бы одним глазком взглянуть на пластину Лу Вана, — вздохнул он. — Великий Дух Юниса, помоги Чёрному Дракону вернуться в мир людей! И не дай ему попасть в бесчестные руки...

Вань попытался сосредоточиться на поисках Лу Вана, но мыслей, где искать пластину, так и не появилось.

Он пробыл в кумирне ещё час, потом поднялся и тихо вышел.

Что делать дальше? Остаться и продолжить поиски здесь или ехать в Тяньцзинь? Наверное, всё-таки в Тяньцзинь. В Храме Одинокого Счастья¹.

Он хоть и называется храмом, но это не одно строение, а целый храмовый комплекс, в нём есть постройки, датированные седьмым веком. А в те времена принято было расписывать стены храмов фресками. Сегодня в кумирне Юнисы я видел несколько таких, а там ими расписаны огромные площади. Может, по тем фрескам я смогу понять, куда могли спрятать реликвию?

В Тяньцзине у него были и другие дела.

Вань являлся единственным наследником немалого состояния. После давно умерших родителей остались богатое поместье и немаленькая сумма в банке. Но он настолько увлёкся археологией, что в родительском гнезде практически не появлялся. И тогда хороший знакомый покойного отца упросил его пустить его сына пожить в пустующем поместье. Того недавно перевели в Тяньцзинь, и он ещё не обзавёлся жильём. Этого баловня судьбы Вань знал с детства и не любил. Очень уж тот был мелочен, а главное, патологически жаден, но отказать старому другу отца не смог. Взамен ему обещали приглядывать за обширной и дорогой собственностью.

Альтруист Вань такому обещанию обрадовался. Ещё бы, решалось сразу несколько проблем, которыми ему не хотелось заниматься.

Первое — элементарный присмотр за поместьем, а для этих целей требовался надёжный и честный человек. А второе — его отец был увлечённым коллекционером. Он собирал фарфоро-

¹ Храм Одинокого Счастья — один из древнейших храмов Китая. Возведён в 618–907 гг. н.э., во время правления династии Тан. Он представляет собой комплекс храмовых построек, где расположен 23-метровый павильон богини милосердия Гуаньинь, внутри его находится 16-метровая фарфоровая статуя бодхисаттвы. См. также главу 32.

вые вазы. Для обывателя они ничего не значили, а вот для отца Ваня они были страстью, не говоря уже о том, что некоторым экземплярам мог позавидовать любой музей мира.

Так вот, оставлять отцовскую коллекцию на невесть кого не хотелось, а арендатор, хоть и был неприятным типом, но присмотреть за ней обещал.

— Это лучше, чем ничего, — решил Вань и согласился.

После памятного случая с нападением хунхузов он остался жить у своего спасителя, офицера Императорского Русского географического общества Лопатина Иннокентия Ивановича, и в Тяньцзинь не приезжал. Несколько раз пытался связаться с арендатором, но письма оставались без ответа.

— Шутка ли, расстояние в полмира! — успокаивал себя Вань.

С тех пор минуло больше десяти лет, и вот сейчас появился шанс побывать в поместье родителей а возможно, и продать его. Деньги закончились, а жить за счёт Иннокентия Ивановича не хотелось.

— Решено, еду в Тяньцзинь.

Г Л А В А 2

Статский советник по вопросам Дальнего Востока, влиятельный член тайного общества «Священная дружина» Александр Михайлович Безобразов одиноко сидел в своём кабинете и напряжённо размышлял.

Два дня назад он возвратился из поездки по российскому Дальнему Востоку и только что закончил составление аналитической записки своему патрону, графу Воронцову-Дашкову, что фактически означало — самому Российскому императору Николаю Второму.

Записка по содержанию была настолько радикальной, что реакция императора могла оказаться непредсказуемой.

Одно то, что он предлагал организовать незамедлительную переброску войск в районы Читы, Благовещенска, Хабаровска,

Уссурийска, Владивостока и Порт-Артура, могло поставить Российскую империю на порог войны.

Но этим его предложения не ограничивались. Под видом учебных манёвров он настаивал на отправке кораблей Тихоокеанской эскадры из Владивостока и Порт-Артура в Печелийский залив¹. Но! Было одно большое «но».

Безобразов был уверен, все эти меры необходимы и безотлагательны только в том случае, если в Китае действительно вспыхнет восстание. А если нет? Если информация о массовых волнениях — умело сфабрикованная японской разведкой деза, а показания её резидента — хорошо подготовленная ловушка?

В этом случае переброска войск на границу Китая будет расценена европейскими странами как начало вторжения России в Китай. И вот тогда произойдёт настоящая катастрофа. Потеря КВЖД и Харбина покажется цветочками, а ягодками может стать утрата всех российских территорий на Дальнем Востоке, в том числе Владивостока, не говоря уже о Порт-Артуре и Дальнем.

Безобразов устало вздохнул и ещё раз перечитал стенограммы допросов японского резидента: «...активизация религиозных фанатиков — ихэтуаней в провинции Шаньдун...» А дальше подробно о том, что эта провинция уже несколько лет находится под протекторатом Германии, которая вложила в её развитие немалые деньги. Проложены сотни километров железных дорог и телеграфных линий, построены десятки промышленных предприятий. Для перевозки грузов по Великому каналу используются крупнотоннажные суда.

И всё это в ущерб сотням тысяч рядовых китайцев, которые из-за германской активности лишились работы.

Второй раздражитель — религия. Количество китайцев, принявших христианство, перевалило за сотню тысяч и продолжает расти. Это вызывает ярость языческих жрецов, вокруг которых крутится фанатично настроенная молодёжь, называющая себя «ихэтуанью». Эти вещают, что все беды Китая — кара Богов, а причина — иноземцы и их религия.

¹ Печелийский залив расположен в северо-западной части Жёлтого моря; считался морскими воротами Северного Китая.

Третье — ненависть народа к маньчжурским правителям Китая. Среди бедного люда широко муссируются воспоминания о восстании тайпинов, при подавлении которого казнили тридцать миллионов человек.

— Умело действуют японцы, — вздохнул Безобразов. — Массовые казни — такое разве забудешь? А времени-то прошло — всего тридцать лет.

Даже одной из перечисленных причин достаточно, чтобы вызвать народное недовольство, что уже говорить, если их несколько и они умело подогреваются. Разведка микадо подкармливает ихэтуаней, а те раскачивают народ. Видимо, нашли кого-то из старых тайпинов и через них внедряют в крестьянские умы идеи «всеобщего равенства и братства».

Да-а-а. Вероятность крупномасштабного восстания вполне реальна.

Теперь по японскому резиденту. Возможна подстава? Вряд ли. Взяли его грамотно. Он уже сдал агентуру, а это не один десяток человек. Все подтвердили подготовку беспорядков в Китае и Маньчжурии. Что у нас с поручиком, который выявил и захватил резидента?

Безобразов подвинул к себе личное дело.

Лопатин Андрей Иннокентьевич. Потомственный дворянин. С отличием окончил Первый Павловский кадетский корпус. Добровольно поступил на службу в ИРГО¹. Назначен помощником начальника экспедиции, затем командиром полусотни казаков рейдового отряда. Отличился, награждён «золотым оружием». Захватил одного из руководителей опасной религиозной секты, за что отмечен благодарностью генерал-губернатора. Назначен командиром специального отряда казаков-пластунов. Сумел привлечь на свою сторону отряд бывших китайских военных и с их помощью наладил охрану особо важного участка КВЖД на китайской территории. Раскрыл и ликвидировал банду фальшивомонетчиков. Отправлено представление на Ста-

¹ ИРГО — общественная организация при попечительстве императора. Кроме научной деятельности занималась картографией и этнографией. Для выполнения работ для Главного штаба российской императорской армии в эту организацию откомандировывали действующих офицеров армии и флота. Например, Арсеньева, Пржевальского, Колчака.

нислава третьей степени с мечами — награждение ещё не пришло.

Что дальше?

В составе китайского милицейского отряда участвовал в освобождении китайского города Кайчи, захваченного крупной бандой хунхузов, за что имеется личная благодарность губернатора провинции Хэйлуцзян. Направлено представление к ордену Святой Анны с мечами. И наконец, выявил и захватил резидента японской разведки, что способствовало раскрытию хорошо законспирированной сети японских агентов в Порт-Артуре и Владивостоке.

За это ему полагается не меньше Георгия третьей степени и соответственное повышение в чине. Да!.. Герой!

Александр Михайлович вспомнил выражение лица японского резидента, когда во время допроса он распорядился пригласить поручика Лопатина.

Это был не допрос, а скорее беседа.

Японец, поняв, что перед ним находится высокий чиновник, от которого может зависеть его будущее, начал выторговывать для себя преференции. При этом делал загадочное лицо и приглушал голос, будто готовился сообщить нечто очень важное, почти интимное.

Раздался стук, и в допросную камеру вошёл поручик Лопатин. Японец, до этого вальяжно расположившийся на стуле, как увидел поручика — спал с лица.

До этого вкрадчиво доверительный, голос японца потух, и теперь Александр Михайлович видел перед собою не блестящего японского офицера, а насмерть перепуганного человека.

— Что случилось, Каваками-сан? — вежливо справился Безобразов.

— Ничего. Спрашивайте всё, что вас интересует, — глухо ответил японец.

Однако, подумал Александр Михайлович, нужно будет подробней расспросить поручика, чем он напугал такого матёрого джапа.

Разговор с Лопатиным хорошо запомнился.

Александр Михайлович попросил его рассказать обо всём, что произошло с ним с момента прибытия на Дальний Восток.

Рассказ был хоть и обстоятельным, но сжатым, передавал лишь необходимую суть. В манере излагать события чувствовался немалый опыт воинского доклада вышестоящему начальству.

Я такому не один год учился.

Но особенно ему понравилось, что поручик не просто излагает факты, а делает выводы и анализирует возможные последствия тех или иных поступков. В том разговоре поручик предложил воспользоваться массовыми беспорядками в Северном Китае и провести акцию по уничтожению баз и военных армейских магазинов¹, организованных японцами на территории Кореи. А использовать для этого дружественный ему отряд китайских милиционеров.

Александр Михайлович давненько подумывал о чём-то похожем. Но не мог придумать, кого можно было привлечь к этому делу, чтобы полностью исключить российский след. А тут — на тебе! Решение, над которым он давно ломал голову, ему подносят на блюдечке. И главное, обвинить Россию в погроме японских армейских магазинов и складов будет непросто — всё спишется на мятежников.

Интересный вы экземпляр, батенька, закрывая папку с личным делом поручика, подумал Безобразов.

Итак, арест резидента, что это? Провокация японцев или такая редкая в последнее время удача? Внутренний голос подленько шептал: «Не спеши, пусть пройдёт пара месяцев, и всё встанет на свои места». В конце концов, ну что мне с этого Китая? Все дивиденды с него только «золотой министр»² со товарищи получают. Но совесть и чувство долга спорили: «А если всё окажется правдой, и в водовороте китайского бунта погибнут

¹ Армейские магазины — так назывались армейские склады, организованные в непосредственной близости от места предстоящих боевых действий. Это десятки тонн снарядов, боеприпасов, топлива, продовольствия, фуража, амуниции и других видов армейского обеспечения. При подготовке большого наступления армейские магазины комплектовались не один месяц. В случае с Кореей магазины комплектовались скрытно, что требовало времени и немалых затрат на транспортировку, хранение и охрану.

² Золотой министр — такое прозвище в кулуарах правящих кругов правительства Российской империи получил российский министр финансов Сергей Юльевич Витте.

сотни, а то и тысячи русских людей? Как я буду жить с тем, что знал и не принял мер?»

— Решено! Еду к графу. Ну, что, поручик? Доверяюсь тебе. Ставлю с тобой на один кон и свою честь, и своё будущее...

— Езжайте к себе, голубчик Александр Михайлович, — выбираясь из кресла, проскрипел старый граф. — Сегодня же ознакомлюсь сам, а завтра доложу государю. Ждите.

Безобразов по-военному резко опустил голову, фиксируя подбородок на груди и, чётко развернувшись, вышел из кабинета «серого кардинала».

Хоть все служащие конторы графа имели гражданские чины, но многие из них в прошлом имели отношение к военной службе. А старый граф грешил тягой к армейской дисциплине и всякие военные «штучки» своих подчинённых одобрял. Те знали об этом и всячески подчёркивали свою принадлежность к военной касте, чем тешили самолюбие старика.

Прошли сутки.

Хуже нет, чем ждать и догонять! Почему граф молчит? Или ещё не успел доложить? Хотя нет, если принял бумаги и сказал, что доложит, значит, так и поступит. Старая закалка, обещал — сделает. Успокойся, всё нормально. На часах ещё десяти нет. Хотя государь — птица ранняя, наверняка уже принимает графа.

В дверь постучали, и на пороге показался подтянутый ротмистр.

— Ваше превосходительство, получена телеграмма из Дворца.

— Ну, наконец-то! — облегчённо выдохнул Безобразов. — Давайте сюда!

Телеграмма была лаконичной: «ВАШИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРИНЯТЫ ТЧК ПОДРОБНЫМ ДОКЛАДОМ ЖДУ СЕГОДНЯ ЗПТ СЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ТЧК НИКОЛАЙ ТЧК».

Полтора часа аудиенции пролетели, как десять минут.

Император Николай Второй, как обычно, был корректен и вежлив. По задаваемым им вопросам чувствовалось, что он не только внимательно ознакомился с содержанием докладной записки, но и получил от специалистов дополнительные консультации.

Экипаж неторопливо катил по Невскому, давая Александру Михайловичу возможность вспомнить яркие моменты встречи с императором.

— Командование сухопутной операцией поручается генералу Линевичу, в ближайшие дни он отбывает во Владивосток. В указанные вами населённые пункты направляются соединения барона Ренненкампа, генералов Сахарова и Штакельберга.

Вопросами флота займётся вице-адмирал Алексеев.

Вас прошу незамедлительно выехать во Владивосток и обеспечить координацию действий сухопутных войск и флота. Адмирала Алексеева вы знаете, а генерала Линевича о вас уведомят.

Документы, подтверждающие ваши полномочия, получите у Иллариона Ивановича, — кивнул император на сидящего тут же за столом графа Воронцова-Дашкова.

Граф прикрыл глаза, подтверждая услышанное распоряжение.

— На месте вам надлежит принять экстренные меры по охране КВЖД силами Уссурийского и Амурского казачьих войск. Усиление охраны Харбина в пределах согласованного с китайскими властями охранного контингента — разрешаю.

Удачи вам, Александр Михайлович, я верю в вас...

— Мосты сожжены! Теперь только вперёд! — перевёл дух Безобразов.

На следующий день во Владивосток ушла телеграмма, которая разделила жизнь и судьбу России, Китая, Маньчжурии, Кореи и Японии на «до» и «после».

Приезд Безобразова во Владивосток с ног на голову перевернул размеренную жизнь всего Дальнего Востока.

Теперь она кипела, как вода на костре. Отдавались десятки распоряжений и команд. Многочисленные вестовые увозили и доставляли спешные донесения.

Телеграф не умолкал ни днём, ни ночью. В Пекин, Мукден, Гирин и Цицикар ушли сообщения о готовящихся на их территориях беспорядках с просьбой принять меры по обеспечению безопасности подданных Российской короны и объектов КВЖД.

Из Хабаровска в Харбин выступили две сотни охранной стражи.

Флот начал подготовку к выходу части Тихоокеанской эскадры в Печелийский залив с формулировкой «для проведения совместных манёвров сухопутных сил и флота». В этих манёврах надлежало задействовать броненосцы «Россия», «Сисой Великий» и «Наварин» в сопровождении канонерских лодок «Кореец»¹, «Бобр» и «Гиляк». Командиры кораблей получили секретный приказ принять на борт четыре тысячи морских пехотинцев.

Совершенно другая ситуация складывалась в сухопутных войсках. Несмотря на своевременно полученные распоряжения, чудовищно неповоротливое, закостеневшее военное министерство приступило к переброске войск на Дальний Восток с таким трудом, будто ворочало огромный заржавевший механизм. Вдруг выяснилось, что для отправки войск не хватает подвижного состава, а забронированные под военные перевозки вагоны используются не по назначению. Более того, большая их часть занята на перевозках коммерческих грузов с оговоренными сроками поставок и крупными штрафными санкциями.

С остальными вообще творилась анархия.

¹ Канонерская лодка «Кореец» — легендарная корабль, в 1904 году вместе с крейсером «Варяг» примет последний бой с 14 японскими кораблями у корейского города Чемульпо. Чтобы разбитая снарядами канонерка не досталась врагу, экипаж подорвал и затопил её.

В своё время стараниями военного министра Куропаткина в армии вместо боевой подготовки была развёрнута масштабная хозяйственная деятельность. В полках и батальонах появились сапожные мастерские, швальни¹, столярные и плотницкие артели. Результаты деятельности командиров подразделений оценивались по степени их успехов по «засолке капусты».

На этом фоне в войсках остро ощущался некомплект офицерского состава среднего и низшего звена, а высокие командные должности давались не с учётом способности и подготовки, а по знатности происхождения и протекции.

Командование полком и чин полковника обычный офицер мог получить только после сорока шести лет. Как результат — высший офицерский корпус сильно постарел. Средний возраст генералов составлял шестьдесят девять лет.

В таких условиях армия оказалась неспособной к быстрой переброске войск. Для того чтобы отправить на Дальний Восток всего несколько дивизий, ей требовалось не менее двух-трёх месяцев, что было равнозначно отправке войск морем.

Николай Второй был вне себя.

Всегда вежливый и корректный, самодержец готов был живьём съесть зажиревшего военного министра. Куропаткин, вечно обласкиваемый и холимый, сначала снисходительно сносил гнев Его Императорского Величества.

Но тот вдруг успокоился и сухо сказал, что если к 1 мая 1900 года на Дальнем Востоке не окажется двухсоттысячной российской военной группировки с полным тыловым обеспечением для действий в условиях военного времени, то заслуженный генерал лишится не только поста военного министра, но и выслуженного пенсионера.

Куропаткин моментально сделал стойку. Если бы император продолжал шуметь и топтать ногами, то Алексей Николаевич не стал бы особо переживать.

Ну, пошумел. С кем не бывает? Император молод, либерален, сентиментален и отходчив. Сейчас повысил голос, а через час прийдёт извинения, такое уже не раз случалось. Но когда Николай Второй с повышенного тона перешёл на глухой спокойный

¹ Швальня — портняжная мастерская.

голос, с которым произнёс грядущие для Куропаткина перспективы, то старый бездельник пятой точкой почувствовал, что над ним нависла реальная угроза опалы.

Опыт службы под началом генерала Скобелева не прошёл для Куропаткина даром. «Белый генерал»¹ был крут и горяч. В момент гнева он не терпел никаких пререканий и оправданий. И мог, не чинясь, выгнать любого не только из штабной палатки, но и из армии. Тогда-то Алексей Николаевич и научился на лету считывать настроение начальства.

Из неплохого грамотного офицера, прошедшего горнило Крымской кампании, принимавшего участие в нескольких сражениях, видевшего минареты Стамбула в окуляр армейского дальномера, награждённого рядом высоких наград, Куропаткин превратился в сметливого хитроватого царедворца с гибкой спиной и шустрым языком.

Почувствовав по отношению к себе неприязнь со стороны монаршей особы, он моментально сориентировался, изобразил прогиб и бросился «поднимать на уши» своё сонное царство. Надо отдать ему должное, что когда он хотел, то умел быть и требовательным, и настойчивым.

Будучи слабым полководцем, он обладал отменным чутьём и организаторским даром в вопросах снабжения, перемещения, обеспечения. Другими словами, Куропаткин был блестящим тыловиком. Подчинённые военного министра давненько не замечали за ним такой активности, целеустремленности и прыти.

И «поезд тронулся».

Армейские колонны и орудийные расчёты потянулись на железнодорожные вокзалы. Закрутился маховик службы тыла и обеспечения. Сотни обозов с боеприпасами, продовольствием, снаряжением, упряжью и всем огромным хозяйством, которое всегда сопровождает армию, заполнили грузовые железнодорожные станции.

¹ Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) – русский военачальник и стратег, генерал от инфантерии; участник среднеазиатских завоеваний Российской империи и русско-турецкой войны 1877–1878 гг., освободитель Болгарии. Современники считали его равным великому русскому полководцу А.В. Суворову и называли «белым генералом» за любовь к белым мундирам и белым коням. Скобелев был отчаянно храбр и удачлив.

Через два месяца после памятного для Куропаткина разговора от причальной стенки в глубине Уссурийского залива отчалили два судна Добровольческого флота: «Россия» и «Петербург». Не привлекая внимания, без помпы, они приняли на борт два пехотных Сибирских полка, три десятка полевых орудий и, взяв курс на Порт-Артур, растворились на горизонте хмурого океана.

Александра Фёдоровна, любимая супруга царя, вступилась за попавшего в немилость военного министра, и «душка» Куропаткин был не только прощён, но и снова обласкан государем.

Г Л А В А 5

Когда Андрей привёз во Владивосток японского резидента, реакция генерал-губернатора Приамурья Гродекова была стремительной: в столицу ушла срочная депеша, в Порт-Артуре и Владивостоке прошли аресты.

Андрей предложил в этих операциях задействовать его казаков, но получил категорический отказ.

— Тебе и твоим людям скоро возвращаться в Китай, — покачал головой Ивантеев. — Аресты не всегда проходят тихо, иногда приходится пострелять. А я хочу, чтобы твои казаки, а особенно ты, лишний раз не светились. Помнишь, для чего создавался твой отряд? Вот-вот. У вас другие задачи. И вот ещё что. Сними особняк побольше, и всех своих переселяй туда. Не хочу, чтобы твои варились с другими казаками. Чем меньше информации уйдёт на сторону, тем лучше. Да и из соображений безопасности перестраховаться лишним не будет.

— Я думал, мы пополним запасы и обратно в крепость.

— С этим пока не спеши. Приказано тебя во Владивостоке придержать. Говорят, сам Безобразов к нам собирается. Не исключено, что захочет с тобой пообщаться. Так что ждём.

А что касается Китая? Думаю, весной, не раньше. Хунхуз сейчас притих, да и генерал Лю Даньцзы пусть привыкает действо-